

Litera

Правильная ссылка на статью:

Бао Л. Влияние романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» на роман Юй Хуа «Братья»: карнавализация как способ формирования романного нарратива // Litera. 2024. № 5. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.5.70853 EDN: ALAKKO URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70853

Влияние романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» на роман Юй Хуа «Братья»: карнавализация как способ формирования романного нарратива

Бао Лихун

ORCID: 0009-0004-1448-7056

аспирант, кафедра русская и зарубежная литература; Российский университет дружбы народов
имени Патриса Лумумбы

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6, оф. -

✉ lihong.bao@yandex.ru

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.5.70853

EDN:

ALAKKO

Дата направления статьи в редакцию:

22-05-2024

Дата публикации:

29-05-2024

Аннотация: Объектом исследования являются тексты двух известных произведений русской и китайской литературы – романов М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» и Юй Хуа «Братья»; предметом исследования – приёмы карнавализации, которые встречаются в романах и которые, очевидно, появились у Юй Хуа под влиянием М. А. Булгакова, с творчеством которого он был хорошо знаком. Нужно учитывать, что теория карнавализации М. М. Бахтина стала известна в Китае одновременно с творчеством М. А. Булгакова, в 1980-х гг. Научная новизна исследования состоит в сопоставлении творчества русского и китайского писателей, установлении между их произведениями литературного и типологического сходства, выявлении ещё одного пути взаимодействия русской и китайской культуры, которые проводятся в российском литературоведении

впервые. Исследование проводилось на основе историко-литературного, биографического, сопоставительного и герменевтического методов, с использованием общенаучных методов анализа и синтеза, наблюдения, описания и др. В результате исследования отмечено, что в произведениях обоих писателей ярко проявляется эстетика карнавальности. Романский нарратив организуется по законам карнавального действия, в нём присутствует карнавальный хаос, гротеск, образы шутов, безумцев и описания безумных поступков, карнавальное отношение к свободе и смерти, осмеяние властей, насмешка над порядком, разочарование в высоких идеалах, сочетание высокого и низкого, изображение толпы как единого деятеля и другие особенности. Делается вывод о том, что Юй Хуа впитал эстетику карнавала посредством русской литературы, в том числе романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита». Ему была близка данная эстетика, способствующая, как и у русского писателя, описанию нового мира, возникшего вокруг героев романов после произошедших революционных изменений.

Ключевые слова:

русская литература, Михаил Булгаков, Мастер и Маргарита, китайская литература, Юй Хуа, роман Братья, эстетика карнавала, карнавализация, традиции, влияние

Введение

У китайской культуры есть большие традиции взаимодействия с русской литературой, восходящие ещё ко второй половине XIX в. Исследователи говорят о диалоге китайской и русской культур, о том, что в китайской художественной литературе XX – начала XXI вв., в творчестве различных китайских писателей, воплотились традиции А. И. Герцена [1], И. С. Тургенева [2], Л. Н. Толстого [3], А. П. Чехова [4] и других русских авторов. В китайской культуре появилась в XX в. и живёт до сих пор любовь к русской литературе; будучи самобытной, воплощая глубокие национальные и культурные традиции, китайская литература, тем не менее, во многом следует русской традиции, а китайские писатели воспринимают русских предшественников как наставников и даже старших братьев, что связано с их глубоким уважением к русской культуре «золотого» периода – второй половины XIX – первой половины XX века. Известен в Китае и М. А. Булгаков, а также многие его знаменитые произведения, в том числе роман «Мастер и Маргарита».

Обзор литературы

В китайском литературоведении есть отдельная отрасль – китайское булгаковедение, в рамках которой сложились многолетние традиции изучения творчества М. А. Булгакова. Знакомство с писателем в КНР состоялось довольно поздно – в конце 1970-х – 1980-х гг., что связано с возвращением наследия М. А. Булгакова в этот период в советскую, российскую культуру. Как отмечает Ю. Хань, с этого времени и до наших дней интерес к писателю в Китае, в том числе в литературоведческих кругах, постоянно увеличивался [5, с. 113]. По характеристике Ц. Гуо и А. В. Чистякова, этап знакомства с творчеством писателя сменился этапом начального исследования, а с 2000-х гг. – этапом углубленного изучения [6, с. 83].

Творчество М. А. Булгакова привлекает китайских и российских литературоведов по различным причинам. Во-первых, в нём наблюдается своеобразное преломление «китайской» темы, поскольку русский писатель неоднократно обращался в своих художественных произведениях к теме Китая и образам китайцев. Данный аспект

культурных связей рассматривают Л. Бао [\[7\]](#), Ч. Яо [\[8\]](#), И. С. Урюпин [\[9\]](#) и др. Во-вторых, китайские писатели и литературоведы видят в произведениях М. А. Булгакова что-то культурно близкое, соответствующее мировоззрению, менталитету, взглядам представителей китайской культуры на жизнь, мир, человека и общество, обеспечивающее межкультурный диалог [\[10\]](#). Одной из таких общих культурных доминант оказалась и карнавализация.

Цель статьи – выявить элементы карнавализации в романах М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» и Юй Хуа «Братья», оценить преемственность в использовании данного приёма китайским писателем. Материалом для исследования стали тексты названных романов.

Результаты исследования

Юй Хуа родился в 1960 г., и его молодость пришлось на период, когда наследие М. А. Булгакова получило в КНР широкую популярность. Знакомство Юй Хуа с творчеством М. А. Булгакова не вызывает сомнений, причём это знакомство можно назвать глубоким, поскольку, Юй Хуа занимался анализом булгаковских текстов, в частности, опубликовал эссе «Булгаков и "Мастер и Маргарита"» в журнале «Чтение» за 1996 г. (№ 11). Ч. Се называет Юй Хуа, вместе с Юй Цзе, двумя китайскими писателями, которые способствовали «восприятию творчества М. Булгакова и распространению славы русского писателя у массовых китайских читателей» [\[11, с. 127\]](#).

О карнавализации как о процессе изменения сознания, мировоззрения и культуры, наблюдавшемся в Новое время и отражавшем традиции средневековья, начал говорить известный российский философ и литературовед М. М. Бахтин, определивший её как «полное освобождение от готической серьезности, чтобы проложить пути к серьезности новой, свободной и трезвой» [\[12, с. 226\]](#). Карнавальная традиция прочно вошла в эстетику, поэтику, миропонимание человека и проявилась в смеховой культуре, культе телесности и эротике, пародийности, развенчании идеалов, демонстрации антиморали, антинормы, нарушениях общепринятых правил, насмешке над смертью, демонстративной десакрализации сакрального и многом другом. Глубокое укоренение карнавализации в культуре, яркое её проявление в литературе и языке отмечают многие современные исследователи. В частности, М. Н. Крылова полагает, что она стала важнейшим способом реакции человека на происходящие в окружающем мире странные, непонятные, алогичные явления [\[13, с. 31\]](#). В КНР теория М. М. Бахтина стала известной в 1980-х гг. и оказалась удивительно созвучной китайской традиции описания действительности.

О проявлениях карнавализации в творчестве М. А. Булгакова вообще и в романе «Мастер и Маргарита», в частности, пишет ряд исследователей. Г. М. Ибатуллина и Р. А. Баранова отмечают «гротескно-фантастическую эксцентрику» романа [\[14, с. 48\]](#), Н. Санаи характеризует сцены «карнавала» в романе «Мастер и Маргарита» как иллюстрацию теоретических построений М. Бахтина [\[15\]](#). То, что карнавализация является частью эстетики романа «Братья» Юй Хуа, также отмечается некоторыми литературоведами. Так, Я. Ли выявляет следование писателя принципам карнавализации в изображении бессмысленных и нелепых ситуаций, «акцентирование бессознательных инстинктов (сексуальное влечение), преобладание материально-телесного начала жизни» [\[16, с. 148\]](#). В то же время в сопоставительном аспекте, в попытке установить генетические связи карнавализация в романах «Мастер и Маргарита» и «Братья» пока не рассматривалась.

В романе «Мастер и Маргарита» перед взором читателя предстаёт Москва в послереволюционное время, в 1930-х гг. В романе «Братья» описана жизнь и отношения двух сводных братьев на фоне времени, в контексте исторических событий, причём автором охвачен важный для китайской истории период с 1960-х до 2000-х гг. Изображение портрета человека на фоне эпохи свойственно обоим писателям.

И у М. А. Булгакова, и у Юй Хуа карнавальность проявляется посредством организации нарратива по законам карнавального действия. Писатели создают на страницах своих романов карнавальный хаос, в котором происходящее в дальнейшем, поступки героев, часто безумные, и их будущее угадываются с трудом. У русского писателя хаос воплощается с помощью образа Воланда, в действиях которого тесно переплетены моральное и аморальное, настоящее и нереальное, современное и произошедшее очень давно, а также с помощью постоянного перемещения действия из одного пространства и времени в другое. Воланд делает что хочет, свободно переносится из одной локации в другую, в том числе из реальной – в нереальную, манипулирует персонажами, открыто мистифицирует, присутствует одновременно везде, привносит в чинный московский мир хаос и одновременно удивительным образом его упорядочивает. К примеру, он удивительно быстро и точно схватывает суть произошедших с москвичами перемен: *«Ну, легкомысленны... ну, что ж... и милосердие иногда стучится в их сердца... обыкновенные люди... в общем, напоминают прежних... квартирный вопрос только испортил их...»* [\[17, с. 143\]](#). У китайского автора хаос присутствует в описаниях ежедневных событий, происходящих с героями; сама жизнь – хаос, в ней никто не знает, кому удастся достичь успеха, кому нет, кто поднимется со дна на самый верх, а кого ждёт ужасное падение.

Для нарратива обоих авторов характерен гротеск. Если что-то описывается, то изображение обязательно будет доведено до абсурда, не только до края, но и за край повествовательной, моральной, поведенческой нормы. Нарратив также связан сочетанием и одновременным противопоставлением высокого и низкого. Превалирование низкого, выведение его на передний план показывают, что высокие слова, напыщенная благодетель – всего лишь маска, за которой скрываются истинные, весьма низменные, помыслы и желания героев. Низменное всегда становится явным, как бы старательно его ни прятали за возвышенным. В романе М. А. Булгакова все женщины, отдавшие во время представления в Варьете предпочтение заморским нарядам, оказываются в конце концов голыми. В романе Юй Хуа крах высокого символизирует конкурс красоты среди девственниц, в котором не приняла участие ни одна девственница. Все участницы *«дружными рядами отправились в гинекологические отделения разных клиник и сделали себе операцию по восстановлению девственности»* [\[18, с. 413\]](#).

В романах «Мастер и Маргарита» и «Братья» происходит стирание границ, во-первых, между смешным и трагическим, во-вторых, между реальным и нереальным мирами. Гомерически комичные и нелепые сцены перемежаются с описанием драматических и трогательных событий. У Юй Хуа они не просто перемежаются, а сочетаются, обретают единство, к примеру, в сцене, где Сун Фаньпин приносит тело утонувшего в нужнике мужа беременной Ли Лань. Этот поступок одновременного позорный и героический, он показывает, как низко пали герои и как высоко они способны подняться.

Повествование перемещается между реальным и нереальным мирами. В романе М. А. Булгакова это вполне зримое перемещение из обыденного мира Москвы в мир чудес Воланда, где существуют ведьмы, где можно стать невидимой и летать на метле, где возможна вечная жизнь. В романе Юй Хуа сам мир словно является сказочным,

абсурдным, и всё описываемые автором никак не укладывается в рамки обычной китайской жизни. Чего стоит только сцена, в которой Бритый Ли на полном серьёзе вооружается шахтёрским снаряжением, чтобы исследовать вновь приобретённую девственность Линь Хун: *«Голожопый Ли в шахтерской каске с фонариком был подпоясан кожаным ремнем, на котором висела батарея. От нее по спине к каске, словно традиционная коса, тянулся провод»* [18, с. 515]. В этом описании видим яркие проявления карнавальности: естественность непристойности, введение стихии низа в обиход человека, характерные для романа Юй Хуа.

В обоих произведениях одним из проявлений стихии карнавала является изображение толпы. Карнавал – это многолюдное, всенародное действо, в котором принимает участие множество людей. М. А. Булгаков изображает толпу зрителей в театре Варьете. Люди в этой толпе (москвичи) едины в своём желании иметь красивую одежду, квартиры; они объединены общими потребностями и намерениями. Толпа в романе Мастер и Маргарита – это отдельный герой, который делает что-то в едином порыве, в ней нет личностей, отдельных людей со своим мнением: *«Кругом гудела толпа, обсуждая невиданное происшествие; словом, был гадкий, гнусный, соблазнительный, свинский скандал...»* [17, с. 75]. Интересный вариант толпы представляет писатель и в изображении бала Сатаны, где каждый гость полон собственного зла, является нарушителем норм. Юй Хуа в самом начале романа рисует карнавальное шествие людей, ведущих домой пойманного за подглядыванием за женщинами в уборной четырнадцатилетнего Бритого Ли. Этот образ толпы, единой в своих мыслях и враждебной, понятной и страшной, будет возникать в романе ещё неоднократно. Например, когда Ли Лань *«брела с детьми по улицам Великой культурной революции, меж заливших поселок красных флагов и выкриков так, словно бы рядом не было ни души. Многие тыкали в нее пальцами, но Ли Лань не видела»* [18, с. 138]. И в том, и в другом произведении люди в толпе с удовольствием развлекаются, проявляя не лучшие свои качества и с готовностью забывая о правилах приличия, о гуманистических ценностях и своей человеческой сущности.

В толпе в соответствии с эстетикой карнавальности выделяются образы шутов – людей, словно существующих для того, чтобы веселить толпу, оттенять то рациональное, что в ней осталось и демонстрировать стихию иррационального. В романе М. А. Булгакова шуты – это персонажи из свиты Воланда (Коровьев, Кот Бегемот, Гелла, Азазелло), а в романе Юй Хуа таким шутком является сам Бритый Ли – главный герой. Применяют авторы и схожий карнавальный приём – преобразование шута в финале, утрату им основных шутовских, «дурацких» качеств и обретение совершенно иных, противоположных. В конце романа «Мастер и Маргарита» шутовская свита Воланда преобразается в прекрасных рыцарей. Вот пример одного из преобразений: *«Ночь оторвала и пушистый хвост у Бегемота, содрала с него шерсть и расшвыряла ее клочья по болотам. Тот, кто был котом, потешавшим князя тьмы, теперь оказался худеньким юношей, демоном-пажом, лучшим шутком, какой существовал когда-либо в мире. Теперь притих и он и летел беззвучно, подставив свое молодое лицо под свет, льющийся от луны»* [17, с. 434]. У Юй Хуа Лысый Ли из всеми высмеиваемого, перепачканного экскрементами, постоянно избиваемого на улице бедняка превращается в кумира мужчин, объект женских мечтаний и богача-миллиардера: *«Много лет спустя Бритый Ли стал нашим лючжэньским миллиардером и решил слетать туристом в космос»* [18, с. 28].

Частью эстетики карнавализации становятся создаваемые авторами карнавальные образы безумцев. М. А. Булгаков уделяет мотиву безумия много внимания: сходит в ума

Иван Бездомный, находится в сумасшедшем доме Мастер, безумен сам мир, все его детали и даже вальс: «...И вслед ей полетел совершенно обезумевший вальс» [17, с. 268]. В романе «Братья» эпитеты *дурак, идиот, идиотский* – одни из самых востребованных и помогающих автору описать безумие происходящего: «...Фабричные рабочие по-прежнему стояли вокруг с идиотскими ухмылками, словно на другое выражение лица были неспособны» [18, с. 200].

Карнавальным является в романах также нарочито спокойное отношение к смерти, карнавальное изображение «весёлой», гротескной, «нестрашной» смерти в комичной ситуации. Это особенно ярко проявляется у Юй Хуа, в самом начале книги которого мы узнаём, что отец Бритого Ли утонул в сортире, подглядывая за женщинами: «Этот его родимый папочка, заглядевшись в нужнике на женские задницы, упал по недосмотру в сточную канаву, да и захлебнулся» [18, с. 4]. Однако и у М. А. Булгакова нет бесспорного, непререкаемого пиетета перед смертью, и начинается череда нелепых смертей с комсомолки Аннушки, «отрезавшей голову» Берлиозу: «...Трамвай накрыл Берлиоза, и под решетку Патриаршей аллеи выбросило на булыжный откос круглый темный предмет. Скатившись с этого откоса, он запрыгал по булыжникам Бронной. Это была отрезанная голова Берлиоза» [17, с. 53].

Стихия карнавального, проявляясь в рассматриваемых произведениях, ведёт героев к освобождению, иллюстрирует их стремление к внутренней свободе. Настоящая свобода в условиях, которые описаны в романах, оказывается невозможной, и только карнавализация помогает достичь пусть и не самой свободы, но её иллюзии. Пройдя через серьёзные испытания, свободен в конце романа «Мастер и Маргарита» Мастер. Получает свободу от мужа Маргарита, теперь она вечно может быть с Мастером, впрочем, свободна она была и летая на метле над Москвой. Освобождается от своей вечной пытки Фрида. В романе Юй Хуа оказывается, что настоящей свободой может быть только смерть, и человек может её достичь сам, с помощью самоубийства. Этот мотив проявляется не только в ключевой сцене смерти Сун Гана, но, к примеру, в таком описании добровольной смерти отца погибшего Сунь Вэя: «Истерзанный, в тот миг он совсем не чувствовал боли. Идущий на смерть вдруг освободился от своей прижизненной муки. Усевшись, как следует, он пару раз глубоко вздохнул, взял левой рукой гвоздь и воткнул его себе в лоб» [18, с. 158]. Обратившись к истории Мастера и Маргариты, мы понимаем, что и им удалось освободиться только после смерти, приняв яд. Вечное бессмертие и вечную любовь они получили не в этом мире. Такое отношение к смерти выглядит вполне карнавально, представляя обратную сторону карнавала – мрачную и безнадежную, которую прижизненное безудержное веселье пытается скрыть, преодолеть.

Стихия карнавальности в описанных писателями историях касается и отношения героев к власти, к тем, кто её представляет в реальном мире и поэтому противостоит обычным людям. С карнавализацией связаны осмеяние властей, расшатывание имеющегося порядка, стирание различий между людьми разного положения. В мире карнавала отличия между людьми определяются не их положением в обществе, во властной пирамиде, а совсем иными качествами.

В романе М. А. Булгакова основное мнение о власти высказывается словами Иешуа: «В числе прочего я говорил, <...> что всякая власть является насилием над людьми и что настанет время, когда не будет власти ни кесарей, ни какой-либо иной власти» [17, с. 35]. В романе Юй Хуа сущность власти самодовольно поясняет Бритый Ли: «Председатель

Мао верно сказал: винтовка рождает власть» [18, с. 238]. Разочарование во власти соотносится с карнавальным разочарованием в высоких идеалах; для героев очевидно, что у власти оказываются далеко не лучшие люди, и их там присутствие совсем не улучшает жизнь всех остальных членов общества.

Кроме того, карнавальность в романах «Мастер и Маргарита» и «Братья» выражается через многоголосие, карнавальную полифонию, запретные шутки, карнавальные издевательства, что может стать предметом нашего дальнейшего исследования.

Нельзя сказать, что применение принципа карнавализации производится русским и китайским писателями идентично, напротив, можно найти целый ряд отличий. К примеру, Юй Хуа постоянно погружает читателя в обстановку непристойности и брани, а М. А. Булгаков не идёт по такому пути. В изображении телесных испражнений, органов, внутренностей, телесности Юй Хуа оказывается ближе к Рабле, чем М. А. Булгаков, посредством текстом которого он воспринимал карнавальную культуру. Данные способы выражения карнавальности оказались близки традиционному китайскому натурализму. Сходство в применении приёма является не внешним, а внутренним, генетическим и типологическим, проявляется на уровне идеи, как результат стремления авторов показать абсурдность окружающей действительности.

Заключение

Карнавализация в произведениях обоих авторов согласуется с принципом авангардности их эстетики, а также с идеей связи творчества писателей с реальностью, его зависимости от исторической ситуации. И М. А. Булгакову, и Юй Хуа карнавализация была необходима, чтобы показать абсурдность и нелепость мироустройства, чтобы контрастно и ярко изобразить основные проблемы времени. Мы полагаем, что писатели обратились к эстетике карнавализации не случайно. Оба романа создавались в условиях слома предыдущего мира и начала строительства нового, причём этот новый мир оказался далеко не таким радужным, каким он рисовался в воображении, исходя из реализуемой революционерами идеи. Люди в окружающей писателей реальности в ходе общественных трансформаций проявили не лучшие свои качества, а хаос, в который перешла революция, оказался тесно связанным с карнавальной природой человечества.

Несомненно, теория карнавала и карнавализации М. М. Бахтина имеет собственное культурное значение и демонстрирует, что карнавализации могут быть подвержены самые разные культурные явления и продукты независимо друг от друга. Однако мы утверждаем, что роман Юй Хуа «Братья» впитал карнавальные основы не только из общекультурного пространства, но и из пространства русской литературы, в частности, из романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита». Творчество М. А. Булгакова стало для Юй Хуа своеобразным учебником карнавальной эстетики, продемонстрировало, как карнавальность становится неотъемлемой и важной составляющей нарративного пространства, влияя на изображаемые события, на героев.

В условиях, когда между российскими и китайскими литературоведами устанавливаются всё более тесные контакты, перспективы проведённого в данной работе исследования состоят в выявлении всё более широкого спектра диалогических сопоставлений, взаимодействий, переключек между творчеством М. А. Булгакова и китайских писателей. Современная китайская литература умеет сконцентрировать все достижения мировой художественной культуры и воплотить их в оригинальных художественных текстах, в которых творчески переплетены традиции и инновации.

Библиография

1. Цзи П., Чжоу Л. Рецепция произведения «Былое и думы» А. И. Герцена в Китае: проблемы изучения и влияния // Научный диалог. 2023. Т. 12. № 5. С. 368–385. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-5-368-385.
2. Шан Б. Анализ тургеневской традиции в тематике произведений Ба Цзиня: диалог китайской и русской культур // Общество: философия, история, культура. 2022. № 12 (104). С. 272–278. DOI: 0000-0001-6611-9563.
3. Ван К., Красноярова А. А. Л. Толстой и культура Китая // Филология в XXI веке. 2018. № 2 (2). С. 102–110.
4. Ши Ш. Традиции А. П. Чехова в китайской литературе 1950-1990-х гг. // Филология в XXI веке. 2020. № 1 (5). С. 193–198.
5. Хань Ю. Традиция изучения творчества М. А. Булгакова в Китае (обзор переводов) // Art Logos. 2020. № 4 (13). С. 113–128.
6. Гуо Ц., Чистяков А.В. О состоянии исследования произведений М.А. Булгакова в Китае // Litera. 2020. № 6. С.82-91. DOI: 10.25136/2409-8698.2020.6.33181 URL: https://e-notabene.ru/fil/article_33181.html
7. Бао Л. Особенности дискурсивной репрезентации образов китайцев в пьесе «Зойкина квартира» М.А. Булгакова // Litera. 2024. № 1. С.157-165. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.1.69726 EDN: JTHZNC URL: https://e-notabene.ru/fil/article_69726.html
8. Яо Ч. Образы Китая и китайцев в рассказе «Китайская история» М. А. Булгакова // Апробация. 2017. № 1 (52). С. 179.
9. Урюпин И. С. «Китайская» тема в творчестве М. А. Булгакова: к вопросу об инокультурной стихии в русской литературе 1920-Х гг. // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2011. № 5 (59). С. 132–135.
10. Рожков В. П. Факторы межкультурного диалога России и Китая // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества: материалы IV международной научно-практической конференции. Вып. 4. Благовещенск: Издательство БГПУ, 2014. С. 398–404.
11. Се Ч. Китайское булгаковедение: перевод, восприятие и перспективы // «Один пояс – один путь»: российско-китайский культурный диалог: коллективная монография. Ярославль: Издательство ЯГПУ, 2021. С. 261–268.
12. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М.: Художественная литература, 1990. 395 с.
13. Крылова М. Н. Процесс «карнавализации» русского языка и сравнительные конструкции // Научно-методический электронный журнал Концепт. 2016. Т. 23. С. 28–32.
14. Ибатуллина Г. М., Баранова Р. А. О поэтике карнавализации в романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» // Славянские чтения – 2021: сборник материалов международной научно-практической конференции. Стрелитамак: Издательство БашГУ, 2021. С. 47–51.
15. Санаи Н. Сцены «карнавала» в романе «Мастер и Маргарита» как иллюстрация теоретических построений М. Бахтина // Преподаватель XXI век. 2017. № 1-2. С. 455–463.
16. Ли Я. Метаэстетическая функция гротеска в романе Юй Хуа «Братья» в аспекте методологических принципов М. М. Бахтина // Наследие В. И. Лихоносова и актуальные проблемы развития языка, литературы, журналистики, истории: материалы II международной научно-практической конференции. Краснодар: Издательство КГУ, 2018. С. 147–149.
17. Булгаков М. А. Мастер и Маргарита: роман. М.: АСТ, 2023. 451 с.
18. Юй Хуа. Братья: роман. М.: Текст, 2015. 572 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Интерес к фигуре Михаила Булгакова и его роману «Мастер и Маргарита» не ослабевает в мировой практике. Формируются и создаются критические статьи, монографии, делают постановки фильмов, спектаклей, не утихает ажиотаж и в прозаическом жанре, а также драматургии. Волна интереса вполне объяснима, впечатляет нетривиальность сюжета, оригинальность образной системы, необычность решения базовой темы. Автор рецензируемой статьи обращает внимание на влияние романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» на роман Юй Хуа «Братья». Точность предмета понятна, причем и вектор претворения карнавализации тоже понятен. Именно он влияет на формирование романной наррации. Синтез русской и китайской литератур манифестирован достаточно фактурно: «У китайской культуры есть большие традиции взаимодействия с русской литературой, восходящие ещё ко второй половине XIX в. Исследователи говорят о диалоге китайской и русской культур, о том, что в китайской художественной литературе XX – начала XXI вв., в творчестве различных китайских писателей, воплотились традиции А. И. Герцена [1], И. С. Тургенева [2], Л. Н. Толстого [3], А. П. Чехова [4] и других русских авторов. В китайской культуре появилась в XX в. и живёт до сих пор любовь к русской литературе...». Считаю, что ссылки / цитации вполне оправданы, формат введения данных не противоречит изданию. Основная цель исследования достигается по ходу работы выверено, задачи решаются планомерно. Комментарий и пояснения относительно значимости текстов М.А. Булгакова для китайской литературы прописываются детально: например, «в китайском литературоведении есть отдельная отрасль – китайское булгаковедение, в рамках которой сложились многолетние традиции изучения творчества М.А. Булгакова. Знакомство с писателем в КНР состоялось довольно поздно – в конце 1970-х – 1980-х гг., что связано с возвращением наследия М.А. Булгакова в этот период в советскую, российскую культуру», да и цель обозначена позиционно – «выявить элементы карнавализации в романах М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» и Юй Хуа «Братья», оценить преемственность в использовании данного приёма китайским писателем. Материалом для исследования стали тексты названных романов». Практический ценз работы соотносится с рядом гуманитарных дисциплин, следовательно, материал можно использовать в вузовской и школьной практике. Фактическая расшифровка-комментарий принципа карнавализации сделаны; отсылка к трудам М.М. Бахтина дана полномерно: «о карнавализации как о процессе изменения сознания, мировоззрения и культуры, наблюдавшемся в Новое время и отражавшем традиции средневековья, начал говорить известный российский философ и литературовед М.М. Бахтин, определивший её как «полное освобождение от готической серьезности, чтобы проложить пути к серьезности новой, свободной и трезвой». Карнавальная традиция прочно вошла в эстетику, поэтику, миропонимание человека и проявилась в смеховой культуре, культе телесности и эротике, пародийности, развенчании идеалов, демонстрации антиморали, антинормы, нарушениях общепринятых правил, насмешке над смертью, демонстративной десакрализации сакрального и многом другом». Принцип компаративизма работает на протяжении всей статьи, сопоставление продуктивно: «И у М. А. Булгакова, и у Юй Хуа карнавальность проявляется посредством организации нарратива по законам карнавального действия. Писатели создают на страницах своих романов карнавальный хаос, в котором происходящее в дальнейшем, поступки героев, часто безумные, и их будущее угадываются с трудом. У русского писателя хаос воплощается с помощью образа Воланда, в действиях которого тесно переплетены моральное и аморальное, настоящее и нереальное, современное и

произошедшее очень давно, а также с помощью постоянного перемещения действия из одного пространства и времени в другое», или «В романах «Мастер и Маргарита» и «Братья» происходит стирание границ, во-первых, между смешным и трагическим, во-вторых, между реальным и нереальным мирами. Гомерически комичные и нелепые сцены перемежаются с описанием драматических и трогательных событий. У Юй Хуа они не просто перемежаются, а сочетаются, обретают единство, к примеру, в сцене, где Сун Фаньпин приносит тело утонувшего в нужнике мужа беременной Ли Лань. Этот поступок одновременного позорный и героический, он показывает, как низко пали герои и как высоко они способны подняться» и т.д. Стиль сочинения соотносится с научным типом, фактических неточностей в терминологии не выявлено. Иллюстративного фона достаточно для аргументации взгляда, точка зрения исследователя объективна и понятна. Считаю, что в работе хватает аналитики: например, «стихия карнавального, проявляясь в рассматриваемых произведениях, ведёт героев к освобождению, иллюстрирует их стремление к внутренней свободе. Настоящая свобода в условиях, которые описаны в романах, оказывается невозможной, и только карнавализация помогает достичь пусть и не самой свободы, но её иллюзии. Пройдя через серьёзные испытания, свободен в конце романа «Мастер и Маргарита» Мастер. Получает свободу от мужа Маргарита, теперь она вечно может быть с Мастером, впрочем, свободна она была и летая на метле над Москвой. Освобождается от своей вечной пытки Фрида. В романе Юй Хуа оказывается, что настоящей свободой может быть только смерть, и человек может её достичь сам, с помощью самоубийства. Этот мотив проявляется не только в ключевой сцене смерти Сун Гана, но, к примеру, в таком описании добровольной смерти отца погибшего Сунь Вэя: «Истерзанный, в тот миг он совсем не чувствовал боли. Идущий на смерть вдруг освободился от своей прижизненной муки. Усевшись, как следует, он пару раз глубоко вздохнул, взял левой рукой гвоздь и воткнул его себе в лоб» и т.д. Выводы по тексту имеют, на мой взгляд, диалогически конструктивный характер, удачно завершать текст ориентиром на то, что тема может решаться и в ином исследовательском ключе, ибо «в условиях, когда между российскими и китайскими литературоведами устанавливаются всё более тесные контакты, перспективы проведённого в данной работе исследования состоят в выявлении всё более широкого спектра диалогических сопоставлений, взаимодействий, переключек между творчеством М. А. Булгакова и китайских писателей. Современная китайская литература умеет сконцентрировать все достижения мировой художественной культуры и воплотить их в оригинальных художественных текстах, в которых творчески переплетены традиции и инновации». Формальные требования издания учтены, текст достаточно объёмен, материал субъективен и оригинален. Блок задач решен, цель в должной степени достигнута. Рекомендую статью «Влияние романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» на роман Юй Хуа «Братья»: карнавализация как способ формирования романного нарратива» к публикации в журнале «Litera» ИД «Nota Bene».